

О. В. Старостина

ТРАДИЦИОННЫЙ ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ РАВНИННЫХ ТАДЖИКОВ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)

Традиционный комплекс одежды и украшений таджиков — важнейший этноопределяющий признак с характерными только для данной культуры признаками и особенностями. Формирование костюмного комплекса происходило на протяжении многих веков. На его развитие оказал влияние ряд факторов, таких как хозяйственная деятельность — древняя традиция оседлого земледелия, особенности климатических и ландшафтных условий жизни таджиков, их своеобразная духовная культура и этническая история.

С последней четверти XIX в. и на протяжении всего XX в. учеными-этнографами исследовались различные аспекты традиционной культуры таджиков. Их работы представляют особую научную ценность в связи с точными и подробными описаниями разнообразных элементов материальной и духовной культуры и в том числе различных локальных вариантов традиционного костюма.

Среди таких работ следует отметить статьи А. Д. Гребенкина «Очерки Когистана»¹ и «Таджики»², в которых автор подробно описывает некоторые особенности одежды таджиков Зеравшанской долины. К наиболее ранним источникам по изучению таджикской этнографии также относится книга³ бытописателей В. и М. Наливкиных, посвященная городским и сельским жителям Ферганской долины, в которой фиксируются не только различные элементы одежды, ее орнаментация, крой, но и способы ее ношения.

Важным источником по изучению костюма долинных таджиков является работа Н. Н. Ершова и З. А. Широковой «Альбом одежды таджиков»⁴, в которой представлены основные костюмные комплексы равнинных, горных таджиков и припамирских народностей.

Изучению самаркандского и бухарского костюма и прежде всего его конструктивных особенностей были посвящены работы таких исследователей среднеазиатской этнографии, как О. А. Сухарева⁵, Ф. Д. Люшкевич⁶ и А. К. Писарчик⁷. Большой вклад в изучение воз-

растных градаций у таджиков на примере традиционных украшений внесла Л. А. Чвырь⁸. В ее монографии рассматриваются украшения не отдельных локальных групп, а таджикские ювелирные украшения в целом, их общие этнические особенности, что также явилось новаторским приемом исследования. Структура деления на возрастные группы легла в основу и предложенной автором работы.

Для традиционного костюма таджиков характерно большое количество локальных вариантов, выделяющихся особенностями кроя некоторых элементов одежды, способами их орнаментации и бытования, описание которых требует отдельного монографического исследования. Пространственные рамки статьи ограничены равнинными районами Средней Азии, в которых на протяжении тысячелетий формировалась одна из древнейших земледельческих культур, наиболее ярким ее проявлением стал костюм. Традиционная женская одежда равнинных таджиков имела множество общих черт, выразившихся в крое, способах орнаментации, манере ношения и в единых способах маркировки возраста.

Общеизвестно, что именно в «женской» культуре сохранялись наиболее архаичные и консервативные традиционные элементы. На каждом жизненном этапе женщина имела свои хозяйственные, социальные, семейные и обрядовые функции, от выполнения которых зависило будущее семейного коллектива и общины в целом. Для успешного выполнения этих функций необходимо было физическое и «сакральное» здоровье, которое обеспечивалось с помощью сложного комплекса обрядовых действий и магическо-знаковой системы костюма. Одним из аспектов предложенной работы является выявление тех особенностей женского костюма, посредством которых маркировалась принадлежность женщины к той или иной возрастной группе, его семантическое значение, а также анализ принципов изменения костюма при переходе женщины из одной возрастной группы в другую, обусловленных комплексом традиционных представлений о значении каждого жизненного этапа.

Для воссоздания наиболее полной картины бытования различных предметов одежды в работе использованы вещевые материалы коллекции Российского этнографического музея, которые не только отражают костюмные комплексы Самаркандской области и Бухарского

оазиса, но и представляют одежду Ферганской долины и Душанбинской области, что позволило автору представить обобщающий материал по костюму равнинного таджикского населения в целом.

Одежда новорожденных

Появление на свет нового члена семейного коллектива сопровождалось обязательными и строго структурированными обрядовыми действиями, направленными на сохранение жизни и здоровья ребенка и матери, обеспечение его будущей жизни богатством и благополучием. Помимо различных магических манипуляций большое значение придавалось костюму ребенка, который должен был выполнять несколько функций: выступать в качестве этнического, половозрастного, социального маркера, а также сочетать в себе сложную магически-обережную структуру.

Однако в костюме новорожденных детей, т. е. младенцев первой недели жизни, все вышеперечисленные функции традиционного костюма не проявлялись. Этот факт, вероятно, связан с представлением о переходном состоянии ребенка, пришедшего из потустороннего мира — мира мертвых и, следовательно, еще не являющегося человеком и членом семейного коллектива. Так же, как и покойный, которого заворачивают в саван, младенец не имеет сшитой одежды, до отпадения пуповины его обычно заворачивали в мягкую ткань, которой могли быть платье или платок матери, бабушки, отца или деда. По мнению З. А. Широковой, это делалось для обеспечения ребенку долголетия⁹. К сожалению, обнаружить сведения о дальнейших обрядовых манипуляциях с первыми пеленками младенца автору не удалось. Основным моментом, отделяющим новорожденное существо от мира людей, по всей вероятности, являлось отпадение пуповины, соединявшей ребенка с потусторонним миром. Этот момент отмечался появлением первой выкроенной и сшитой одежды.

Первую рубашку на ребенка надевали примерно на шестой-седьмой день. Она называлась *куртаи чиллагай* — «рубашечка сорокаднейя»¹⁰ и изготавливалась так же, как и первые пеленки, из хлопчатобумажной ткани, ранее использовавшейся в качестве одежды старших родственников или женщин, у которых было много детей,

что обеспечивало младенцу, согласно традиционным представлениям таджиков, долголетие и плодovitость. В Бухарском оазисе эту рубашечку ребенок носил до полного заживления пупка, т. е. примерно неделю, по истечении которой проводился обряд положения в колыбель. Саму рубаху бросали в проточную воду, чтобы жизнь ребенка была долгой, затыкали ею сосуд с маслом или закапывали под фруктовым деревом¹¹. В других районах расселения равнинных таджиков данный вид одежды носили во время всего периода *чилля* — сорокодневья. В Ферганской долине первую рубашку сохраняли до появления на свет следующего ребенка¹², но только в том случае, если первый был здоров.

Куртаи чиллагай был преимущественно цельнокроеный, реже с вшивными клиньями по бокам между спинкой и передом. Ворот имел горизонтальный разрез. Ткань по краям рубашки подгибали и подшивали, так как ее нельзя было срезать. Лоскутки, оставшиеся после выкраивания, нашивались на спинку или грудь рубашечки. Обычно подол, ворот и концы рукавов не подшивали. Считалось, что обрезание лишних кусков ткани, а также подшивание укорачивает жизнь ребенку, препятствует его росту и здоровью¹³.

Еще одним редким видом одежды младенца, описанным Ф. Д. Люшкевич, был своеобразный нагрудник — *синабанд*, по крою аналогичный вышеописанной рубашечке, но не имевший соединительных швов. По бокам передняя часть и спинка «нагрудника» соединялись при помощи плетеных черно-белых шнурков, выступавших оберегом от сглаза¹⁴.

На младенцев первых недель жизни не надевали головного убора и штанов. Характерной особенностью одежды данного периода было отсутствие выраженной этнической, половой, социальной дифференциации, а также практически полное отсутствие каких-либо оберегов или амулетов-благопожеланий. Вероятно, это было вызвано представлением о новорожденном как о некоем существе, которое не обрело еще человеческий облик. В этой связи не случайным кажется «жертвование» первой одежды воде или дереву, которые связаны с потусторонним миром¹⁵.

Костюм девочек до трех-четырёх лет

Первую одежду, аналогичную по покрою взрослой, — халат, рубашку и шапочку — ребенку дарила бабушка по матери во время посещения ее дочерью с младенцем, которое происходило примерно через шесть недель после родов¹⁶, т. е. после окончания периода *чилля*. Ношение ребенком «взрослой» одежды, в традиционных представлениях таджиков, являлось символом включения нового человека в социум, утратой его связи с потусторонним миром. Для данного периода жизни характерным становится выделение в костюме возрастных особенностей, которые определены не только размером, но и некоторыми приемами шитья одежды и ее оформления.

Традиционная детская рубашечка, бытовавшая у равнинных таджиков, имеет характерный для всех половозрастных групп туникообразный крой, но вместе с тем можно выделить и некоторые особенности, встречающиеся преимущественно в детской верхней нательной одежде. Так, рукава не суживались к кисти и не закрывали пальцы рук, как в женской или мужской рубахе. Подол делался коротким и не закрывал колен. Еще одной особенностью рубашечки было наличие небольшого вертикального разреза спереди с левой стороны ворота, который завязывался или застегивался на пуговицу. При переходе в следующую возрастную категорию, когда начинала проявляться половая дифференциация, разрез сохранялся только в нательной одежде мальчиков¹⁷. В детской рубашке отсутствовали также ластовицы, столь характерные для женской одежды, и обшивка ворота узорной тесьмой *джияк*. Такая рубашечка, как и первая, не подшивалась. В исключительных случаях, когда дети в семье умирали или ребенок был особенно долгожданным, ластовицы рубашечки делались цветными¹⁸.

Материалом для изготовления детской рубашечки служила обычно белая хлопчатобумажная ткань, иногда в мелкий цветочный рисунок. В Ферганской долине и Самаркандской области их шили из набойных тканей с красным узором¹⁹.

Верхней плечевой одеждой детей был халатик. К сожалению, данный вид одежды практически не описан исследователями таджикского костюма. О некоторых особенностях детского халата мо-

жет дать представление коллекция Российского этнографического музея²⁰. Он имеет традиционный для оседлого населения Средней Азии туникообразный крой. Воротник мог быть шалеобразный, стойка или же отсутствовать. По вороту, полам, подолу и рукавам такие халаты обшиты тонкой красной плетеной тесьмой, что было характерно для мужской верхней плечевой одежды. Халатики иногда имеют частую вертикальную стежку со вставленными между швами скрученными фитильками ваты, аналогичная техника применялась при изготовлении обрядовой одежды и носила название *пильта*. Халатики шили из домотканой хлопчатобумажной ткани на подкладке. В обеспеченных семьях его могли изготавливать из более дорогих и престижных тканей, например из шелка с ярким абровым рисунком или парчи.

На верхнюю одежду нашивали амулеты-обереги в виде треугольников и змеек, крашеной ваты, душистой мяты, подвески из дерева *туг* (каркас кавказский, *Celtis caucasica*), глазчатые бусины, сердолик, раковины каури²¹.

Примерно с двух лет ребенок начинал носить поясную одежду: штаны общего для костюма таджиков кроя. Их шили из тонких хлопчатобумажных тканей ярких расцветок. В конце XIX в. наиболее популярным материалом для изготовления данного вида одежды были русские ситцы. В отличие от повседневной взрослой поясной одежды детские штаны шили всегда из одного сорта ткани²², не вставляя ластовиц и верха другого цвета. Эта особенность характерна также для женской обрядовой одежды — свадебной и траурной.

У равнинных таджиков шапочку надевали с того момента, когда ребенок начинал держать голову²³. Головные уборы мальчиков и девочек не имели различий по половому признаку, как, например, у узбеков²⁴, вплоть до вступления их в следующую возрастную группу.

У городского населения детские шапочки имели конусовидную форму и шились без околыша или с околышем из хлопчатобумажных, шелковых тканей или парчи. Головной убор простегивали частой стежкой в традиционной технике *пильта*. Край шапочки обшивали тесьмой и иногда приделывали завязки.

Сельские жители земледельческих оазисов, как и горные таджики, шили аналогичные по форме и крою детские шапочки в лоскут-

ной технике *курок*²⁵. Лоскутки собирала мать ребенка от свадебных дастарханов, от одежды здоровых детей и долгожителей, концентрируя таким образом в головном уборе положительную сакральную энергию, несущую ее ребенку здоровье, долголетие, богатство²⁶.

На детские головные уборышивали различные амулеты-обереги: кисточки, металлические и матерчатые *тумары*, глазчатые бусины, монеты, султанчики из перьев, магическое воздействие которых было направлено преимущественно на сохранение жизненной энергии ребенка, его здоровья. Многие из амулетов дополняли традиционный костюм на протяжении всей жизни человека.

Среди детских украшений можно отметить два широко бытовавших вида: браслеты и серьги. Детские браслетики *понча*, представлявшие собой нить с нанизанными на нее глазчатыми бусинами, кораллами и листовидными подвесками, надевали на младенца по окончании периода сорокодневья. Эти браслеты носили вплоть до наступления старости, надевая на обе руки и иногда на ноги.

Серьги *гушврак*²⁷ в виде колечка с бусиной нередко надевали на девочек еще до года. Так, в Душанбе девочкам прокалывали уши уже в двухмесячном возрасте²⁸. Нередки были случаи прокалывания одного уха мальчику, в особенности если это был долгожданный первенец. Подобные украшения, согласно представлениям местного населения, играли роль оберега и не имели декоративной функции. Так, глазчатые бусины *кёзмончок*, как и амулеты треугольной формы с зашитыми внутри них молитвами или травами, считались наиболее сильными оберегами от сглаза²⁹. Кисточки и султанчики из перьев выражали идею стягивания и концентрирования жизненной энергии человека. Змейки, сшитые из ткани на детских халатиках, а также листовидные подвески браслетов, имитирующие голову змеи, были наиболее популярным детским оберегом. Змея в народных представлениях выступала в качестве покровительницы и защитницы детей³⁰.

Дети до девяти-десяти лет не имели обуви и ходили босиком. Однако существовали и исключения, которые определялись социальным статусом семьи ребенка. Так, отпрыски семьи эмира начинали носить обувь примерно с годовалого возраста, именно в этот период правитель демонстрировал наследника народу. Ребенок сидел на

коне, впереди отца, одетый в сапоги *муза* с острыми носами и серповидными каблуками. В данном случае наблюдается тесная связь возрастного и социального статуса. Коллекция Российского этнографического музея располагает несколькими парами обуви для детей от одного до трех лет. Все эти сапоги и башмаки принадлежали детям из богатых и знатных семей и не отличались по покрою и орнаментации от взрослой обуви.

Первый раз ребенка стригли примерно в годовалом возрасте, оставляя неостриженными некоторые участки головы, которые образовывали локон — *кокул*, расположенный у девочек на темени. Когда волосы отрастали, их заплетали в косички, подвешивая к их концам кораллы, бусины *кёзмончок* и амулеты³¹. Всю остальную часть брили наголо вплоть до четырех-пяти лет. Стрижка утробных волос у девочек осуществлялась на четном, втором, году жизни и ознаменовывала окончательный переход ребенка в мир людей.

Одежда девочек

Первые признаки половой дифференциации в костюме появлялись примерно с трехлетнего возраста, когда ребенка обычно отнимали от груди и он становился менее зависим от матери. В этот возрастной период жизни ребенка впервые появлялись новые черты в одежде. Детский костюм этой возрастной категории не был рассмотрен исследователями, но, анализируя вещевые и фотографические материалы коллекции РЭМ, можно определить некоторые характерные особенности, присущие костюму девочек.

Платья девочек имели, как девичья и мужская рубаха, горизонтальный вырез с легкой выемкой под горло. По сравнению с детской одеждой более раннего возраста внешний вид платья менялся. Рукава делались более длинными, закрывающими верхнюю часть кисти, длина платья увеличивалась и достигала середины икры. Ластовицы (*кульфак*; *кульф* — «замок») рубахи-платья контрастно выделялись цветным швом, их делали из другого сорта ткани, что было характерной чертой девичьей и женской нижней плечевой одежды³². Ворот рубахи обшивали широкой нарядной тесьмой, отличавшейся от тесьмы, используемой для оформления ворота женского платья.

О. А. Сухарева подробно описала способ изготовления и орнаментацию плетеных тесьм, используемых в костюме различных половозрастных групп³³.

Существовали и некоторые местные особенности кроя детской рубахи-платья. Так, в Нурате от горловины справа вниз и слева на спине отходили два небольших вертикальных разреза, завязывающихся на завязки, и, если платье пачкалось, его переворачивали и носили спиной³⁴.

Ассортимент тканей, используемых для шитья рубах девочек, также расширялся. В качестве повседневной одежды использовались рубашки из белых, розовых, бежевых хлопчатобумажных тканей с некрупным растительным орнаментом. Примерно с пяти лет девочки участвовали в проведении традиционных праздников, таких как Ноуруз, праздник тюльпанов и некоторых других. И в это же время детский костюм дополняется праздничным нательным платьем, которое изготовлялось из шелковых и полупшелковых тканей местного производства с ярким абровым рисунком.

Халаты, которые носили девочки главным образом в холодное время года, не отличались от данного типа верхней одежды детей до трех лет.

Некоторые изменения наблюдаются и в облике штанов. В костюме раннего детского возраста все детали кроя изготовлялись из одного материала. В три-четыре года девочка начинала носить поясную одежду, мотня которой и иногда вся верхняя часть отличалась от штанин по цвету и сорту ткани. На нижнюю часть штанин нашивали узорную тесьму *джияк*, что не было характерно для шаровар, принадлежавших костюму более ранней возрастной группы.

Вплоть до вступления в возрастную группу девушек преобладающим головным убором девочек являлась коническая шапочка, описанная выше. Однако некоторые амулеты-обереги, такие как перья, глазчатые бусины, *тумары*, не использовались для ее украшения.

Помимо серег и браслетов *понча* девочки носили и накосные украшения *чолбанд* в виде разноцветных, чаще красных, шерстяных или шелковых шнуров с кистями, обшитых бисером и бусинами. Кисти выражали идею собирания жизненной энергии и являлись оберегом. Многочисленные бусины и бисер, как следует из названия

украшения (*чол* — необмолоченное зерно, *банд* — «веревка») выражали идею плодородия и были благопожеланием для девочки.

Примерно в пять-шесть лет девочке надевали кольцо из серебра или другого металла со вставками или небольшим гладким щитком³⁵. Вероятно, ношение данного украшения, было связано с началом хозяйственной деятельности девочки, так как именно в этом возрасте она начинала активно помогать старшим по дому и в том числе готовить. Среди равнинных таджиков было широко распространено представление о том, что готовить пищу необходимо в серебряном кольце, в противном случае руки считались сакрально нечистыми³⁶.

В этом же возрасте в детский комплекс украшений входили гладкие несомкнутые металлические браслеты *гиля узак*. Нередко они были украшены растительным орнаментом, характерным для таджикского традиционного ювелирного искусства³⁷.

Помимо ювелирных украшений в костюме девочек использовались и природные материалы: тонкие полоски коры ивы с сережками, вплетаемые в косы, бутоны розы, которые затыкали за левое ухо³⁸. Ношение данных украшений было связано с празднованиями весенних обрядов годового цикла и выражало идею плодородия.

Прическа девочек изменялась только к четырем-шести годам. Ей отпускали косички, которые заплетались на прямой пробор две на висках и две на затылке³⁹. В некоторых районах расселения равнинных таджиков, например в Зеравшанской долине, сзади заплетали несколько косичек⁴⁰, но, как правило, их было четное количество. Косички девочек и девушек плели высоко из пяти прядей, закидывая их наверх, в отличие от женской прически, в которой косы заплетались у шеи и пряди закидывались вниз⁴¹.

Девичий костюм

В девять-двенадцать лет девочка вступала в следующую возрастную группу. Комплекс девичьих украшений становился более разнообразным, а костюм дополнялся новыми элементами, но по-прежнему в его основе лежали туникообразная платье-рубаша и штаны с широким шагом, которые являлись основными элементами традиционного костюма на протяжении всей жизни женщины.

Девушки носили платья, по покрою и оформлению ворота характерные для рубах девочек, но цвет платья становился более ярким, с преобладанием красных и розовых цветов.

Девичьи халаты также претерпевали изменения: из единственной верхней плечевой одежды халат переходил в категорию повседневной домашней одежды⁴² и чаще изготовлялся из грубых домотканых полушерстяных и хлопковых тканей. При этом в отличие от мужского халата, обшитого по вороту, подолу, полам и рукавам узорной цветной тесьмой, в декорировании халатов девушек и женщин использовали черный неширокий *джияк*.

В Центральном Таджикистане, Бухарском оазисе, Пенджикенте и Самаркандской области, когда девочке исполнялось 12 лет, на нее впервые надевали старинный праздничный халат *мунисак*, *калтачу*⁴³. Это торжество происходило по поводу первого *мулджара* — окончания 12-летнего цикла. Девочка переходила в следующий возрастной класс и могла выходить замуж. В Самарканде существовал особый праздник *калтачапущон*⁴⁴, также связанный с переходом девочки в возрастную группу девушек, его название происходило от названия вышеописанной старинной одежды.

Особенность *калтачи* — глубокий овальный вырез ворота и густые сборки под рукавами. Его шили на подкладке из дорогих шелковых тканей ярких, нарядных тонов, часто с абровым рисунком или из бархата глубокого лилового или зеленого цветов. В коллекции Российского этнографического музея помимо нескольких экземпляров *мунисака* хранится уникальная старинная девичья и женская верхняя одежда *пешево* (илл. 1), основным отличием которой является отсутствие подкладки. Она изготовлена из желтого в красную полоску шелка местного производства. Как отмечала О. А. Сухарева, халат *пешево* был известен в Самарканде и Бухаре во второй половине XIX в. в качестве праздничной одежды, к концу века он употреблялся в качестве элемента траурного костюма⁴⁵.

На рубеже XIX—XX вв. в городской костюм девушек и женщин Бухарского оазиса входит особый вид верхней плечевой одежды — камзол, с нехарактерными для среднеазиатского типа кроя чертами. В отличие от туникообразных халатов и *мунисаков* он имел вшивной рукав, воротник-стойку, короткие, чуть ниже локтя рукава, не-

Илл. 1. Камзол женский. Таджики. Конец XIX в. РЭМ, колл. № 31-103

которые экземпляры, входящие в состав коллекции РЭМ, отрезные по талии⁴⁶. В подмышечной области камзол имел сборки. На камзоле делались прорезные карманы — один на правой стороне груди и два на бедрах. Полы застегивались на пуговицы. Его шили из цветного бархата или шелка с ярким абровым орнаментом, что позволяет предположить, что данный вид одежды использовался в качестве праздничного элемента костюма (илл. 2). Отрезной стан и воротник-стойка в платьях и верхней одежде начинает бытовать в конце XIX в., что рассматривается исследователями как влияние на таджикский костюм некоторых элементов традиционного кроя татарской одежды⁴⁷.

Повседневные девичьи шаровары шились из ярких, часто красных гладкокрашенных хлопчатобумажных тканей (ситца, сатина, тика). Праздничные изготовлялись из шелковых и полушелковых тканей (бекасаб, атлас, фаранга, парча).

Илл. 2. Камзол женский. Таджики. Конец XIX в. РЭМ, колл. № 58-35

У равнинных таджиков бытовали два вида девичьих головных уборов, ношение которых обуславливалось традициями, принятыми в том или ином районе. В Ферганской долине с девяти-десяти лет девушки переставали носить остроконечную детскую шапочку и надевали платок⁴⁸. Платок, красного или белого цвета, сложенный углом, несколько раз туго оборачивали вокруг головы и стягивали узлом на лбу или на затылке, волосы при этом оставались открытыми, в отличие от женского платка, который, как правило, не завязывался, свободно ниспадал, закрывая шею, грудь, спину и волосы. До замужества девушки носили один платок.

В Самарканде, Бухаре и Нурате⁴⁹ на рубеже веков бытовала девичья шапочка *тути*, представлявшая собой округлый мягкий околыш, верхний край которого слегка присборивался и пришивался к плоскому круглому донцу. Шапочку изготавливали из хлопчатобумажных тканей, а также бархата и парчи, оторачивая лобную часть тесьмой. Переход девочки к ношению специфически девичьего головного убора обычно совершался, когда ей исполнялось 9—12 лет. Смена головного убора совпадала с первым надеванием традиционной одежды *калтача*. Основную роль в этом празднике играла пожилая женщина, которая, согласно традиционным представлениям, передавала девочке долголетие, хозяйственные умения и благополучие.

В некоторых районах девичья шапочка имела накосник, что делало ее похожей на традиционный головной убор замужней женщины, но в отличие от последнего, носившегося с несколькими платками и иногда с головной повязкой, девичья шапочка надевалась одна и открывала волосы. Такой головной убор описывает в своих воспоминаниях и В. В. Крестовский, побывавший в Бухаре в 1886 г.: «С любопытством выглядывали на нас 10-летние девочки в расшитых шелками низеньких плоских шапочках с длинными узорчатыми назатыльниками, из-под которых наружу выбивались черные волосы»⁵⁰.

В Самаркандском и Бухарском оазисах бытовала шапочка, не имевшая накосника и донца. Околыш такой *тути* стягивался по верхнему краю, оставляя открытой макушку. Вероятно, подобный вариант шапочки являлся стадияльно более ранней формой девичьего головного убора и представлял собой сшитую и присборенную налобную повязку⁵¹.

В двенадцать-тринадцать лет для девушки в городах шили первый элемент уличной одежды — халат-накидку (название которого восходит к арабскому *фаранджи* (тюрк. *паранджа*), который изготовлялся из белого тика с узкими красными полосками⁵², тогда как женский халат в конце XIX в. шили из серой хлопчатобумажной ткани. Сельские девушки начинали покрывать голову накидкой значительно позже: в пятнадцать-шестнадцать лет. Часто ее роль играл халат, который надевали, накидывая на голову пройму рукава.

Девочки надевали свою первую пару обуви только в девять-двенадцать лет, т. е. по достижении возраста невест и перехода в третью возрастную группу. Наличие у молодой девушки сапожек *махси* и башмаков *кауш* демонстрировало материальную обеспеченность семьи и, следовательно, привлекало богатых женихов. В Зеравшанской долине в качестве повседневной и рабочей обуви сельские жительницы использовали поршни *чоррук*, которые представляли собой высокую обувь, сшитую из кожи барана, козла или коровы. Если поршни изготовлялись из хорошо выделанной кожи красного или желтого цвета, то они считались праздничной обувью.

Наиболее популярным видом обуви были туфли на прямом каблуке с союзкой *кауш*. Эту обувь можно было встретить в девичьем и женском костюме всех возрастов и сословий. Она изготовлялась из всевозможных материалов любого размера и использовалась как повседневная и праздничная. Туфли носили с мягкими сапожками и чулками или надевали на босу ногу. Мягкие сапоги, называвшиеся *махси*, изготовлялись только из дорогостоящих материалов хорошего качества и имели достаточно сложные фигурные детали. Их орнаментация и цвет зависели от городского центра и местных традиций. Крупнейшим обувным центром был Ташкент, где *махси* шили из черной или красной кожи с пяткой из зеленой шагрени. Разнообразные материалы и приемы орнаментации применяли мастера Бухарского оазиса, но, безусловно, самой известной была золотошвейная обувь. Шахриябзские *махси* изготовлялись из сукна и были сплошь зашиты шелковыми нитками. Самаркандские сапоги шили из разноцветной кожи и бархата, украшая золотым и серебряным шитьем.

Помимо изменения кроя головного убора и появления новых элементов костюма, более разнообразным становится комплекс укра-

шений. Обращает на себя внимание, что в открытые волосы девушек вплетали большее число косоплеток, которые становятся более массивными. Примерно с девяти-десяти лет девочкам вплетают *пунак*⁵³ — черные шелковые шнуры с кистями на концах, продетые в медальоны в виде ромба, называемого «цветок граната», а также в трубочки и шарики. Цветок и плод граната в представлениях оседлых народов Средней Азии считались символами брака и плодородия⁵⁴ и являлись благопожеланием девушке, вступивший в возрастную группу невест. Подобное украшение женщина продолжала носить вплоть до выхода из фертильного возраста.

Накосное украшение *туф*, близкое по семантике вышеописанному *пунаку*, также представляло собой несколько шерстяных или шелковых шнуров с завязанными узлами и кистями на концах. «Узел счастья» приносил удачу и символически выражал идею «стянутой сексуальности»⁵⁵, которая прослеживается также в девичьем головном уборе и верхней плечевой одежде *калтача*.

Вступив в брачный возраст, девушка начинала носить кольцевые серьги *халка*, сочетавшие в себе символику плодородия: кольцо — солярный символ — и полумесяц в нижней части серег⁵⁶.

Шейно-нагрудные украшения девочек данной возрастной группы состояли преимущественно из недлинных, плетенных крупной сеткой бисерных ожерелий. Помимо них в костюмный комплекс могли входить также бусы, состоявшие из кораллов и серебряных филигранных шариков. Увеличивается и количество надеваемых девушкой-невестой колец и браслетов.

С переходом в возрастную категорию девичество девочки начинают подкрашивать брови и ресницы сурьмой. В праздничные дни также окрашивали хной кисти рук⁵⁷.

Свадебный костюм

Традиционный свадебный женский костюм у равнинных таджиков не имел строго фиксированных элементов и изменялся на протяжении всего брачного обряда и некоторого времени после него. Смена каждого элемента девичьего костюма на элементы женского сопровождалась ритуальными действиями и определяла, вероятно,

этапы перехода девушки в возрастную группу женщин и качественное изменение ее состояния.

Обряды свадебного цикла, связанные с переодеванием девушки, начинались накануне брачных церемоний в доме ее родителей. Перед приездом жениха происходило торжественное одевание невесты, начинавшееся обрядовым омовением и заплетанием традиционной девичьей прически. Затем на нее надевали девичье платье, сшитое специально для брачных церемоний из шелка яркой окраски с преобладанием красного цвета. В качестве верхней одежды девушка надевала *калтачу*, изготовлявшуюся из ярких шелковых материй. Свадебным головным убором в этот период была девичья шапочка. Особый статус девушки-невесты подчеркивался дополнительными деталями. На ее голову набрасывали большой белый несложенный платок, закрывавший лицо, грудь, плечи и всю спину, который молодая снимала после первой брачной ночи в доме супруга. На брачные церемонии паранджу практически не надевали, что, вероятно, было связано с представлением об этом наголовном халате как об исключительно уличной одежде, не имевшей в истории традиционного костюма глубоких исторических корней⁵⁸. Однако в Шахристане в первой половине XX в. паранджа входила в костюм молодухи во время обряда *рубиник*⁵⁹ (смотрение лица молодой). Количество украшений возрастало, но все они по-прежнему оставались девичьими.

Праздничной и ритуальной обувью были туфли *кауш* и сапожки *махси*, которые изготовляли из парчи, сафьяна, шагрени, сукна, бархата, украшали вышивкой, аппликацией из кожи.

В Ферганской долине, большинстве районов Самаркандской области и Бухарском оазисе замена некоторых элементов девичьего костюма на женский происходила после переезда молодой в дом мужа и первой брачной ночи. В Ургуте такой обряд проводился значительно позже, во время праздника положения в колыбель первенца молодой женщины⁶⁰. Данный этап перехода женщины в новый социальный статус фиксировался праздником *лачакбандон*. Однако молодая продолжала находиться в переходном состоянии, так как только после рождения первенца она могла перейти в следующую возрастную группу женщин фертильного возраста. Основой обряда *лачакбандон* являлось переодевание молодой в женское платье,

дополнение девичьего головного убора элементами женского, надевание свадебных украшений и частичная смена прически. Если по каким-либо причинам молодая оставалась в доме своего отца, то она продолжала носить девичье платье. В случае рождения ребенка женщина кормила его, поднимая подол платья, либо через разрезы, расположенные вертикально под мышками. Характерной особенностью данного вида платья были густые сборки по обеим сторонам ворота, делавшиеся вплоть до 1890-х годов⁶¹. В Ургуте смена платья происходила не во время брачных церемоний, а значительно позже — во время обряда *саллабандон*⁶².

В одежде новобрачной появляется многослойность, характерная для женского костюма. Так, молодая надевала два-три и более платьев⁶³. Нижнее непременно шили из ткани белого цвета (*куртаи бахтисафед* — платье белого счастья), а надеваемое на него — из шелка, бархата и других тканей ярких расцветок⁶⁴.

Основным признаком, отличавшим девичье платье от женского, было изменение кроя разреза ворота платья-рубахи: горизонтальный разрез ворота сменялся глубоким, до талии вертикальным. Такая нагательная рубаша называлась *куртаи нешкурто* — «открытая спереди», и символически открывала перспективу счастья и деторождения⁶⁵ (илл. 3). На основе имеющихся вещевых материалов, а также анализа научно-исследовательской литературы представляется возможным выделить следующие общие признаки традиционных женских рубах, бытовавших на территории расселения равнинных таджиков. Длина платья доходила до ступней, рукава шились значительно (на 10—20 см) длиннее кистей рук, стан делался достаточно широким. С конца 1890-х годов в Бухарском оазисе начинают входить в моду нижние платья с пришитым воротником в виде клиньев, а также стоячим воротником, украшенным отстрочкой, тесьмой и фестонами. Рукава свадебных платьев-рубах в Бухаре делались широкие, ровные, до 45 см в сложенном виде⁶⁶, в Самарканде и Ферганской долине — более узкие. Рукава верхнего платья были несколько короче, что позволяло видеть рукава нижнего. В свадебных платьях и платьях, заготавливаемых для приданого, ластовицы делались из того же материала, что и все платье. Ворот нижнего платья обшивали неширокой плетеной тесьмой. Для украшения воротника верхних

Илл. 3. *Койляк*, рубаха замужней женщины. Таджики. Конец XIX в.
РЭМ, колл. № 59-3а

платьев использовали нашивные ленты украшения. В отличие от повседневных свадебные, как в дальнейшем и праздничные, украшения для ворота делались широкими и длинными, достигавшими края подола. Их орнаментация содержала растительные и геометрические узоры, выполненные цветными шелковыми или золотными нитями (илл. 4).

С начала XX в. длина платья укоротилась примерно на 30 см, рукава стали доходить до середины кисти, что подтверждается многочисленными образцами, имеющимися в собрании РЭМ. Однако праздничные платья до наших дней продолжают шить, сохраняя традиционные особенности, относящиеся к концу XIX в., что связано с представлениями о благополучной и богатой жизни молодых, которая станет возможной только при неукоснительном соблюдении всех традиционных норм свадебного обряда.

Илл. 4. Обшивка для ворота.
Таджики. Конец XIX в.
РЭМ, колл. № 58-291

Мунисак без подкладки как элемент девичьего костюма сохранялся и в свадебном костюме. Молодуха носила его до рождения первенца. При выходе на улицу его набрасывали на голову под паранджу⁶⁷.

Поясная одежда — штаны — шилась для свадебного костюма из шелковой или полушелковой красной ткани с ярким абровым рисунком и не имела вставок и ластовиц из ткани другого сорта или цвета.

Одновременно со сменой девичьего платья на женское происходило и надевание свадебного головного убора, который усложнялся по составу, сохраняя при этом в своей основе элементы девичьего. Шапочка без наосника и большой платок-покрывало дополнялись красной шелковой налобной повязкой, представлявшей собой сложенный в несколько раз платок. Для придания ему формы диадемы в переднюю часть прокладывали картон или древесную кору. Таким образом, высота свадебного головного убора увеличивалась максимально по сравнению с уборами, входившими в состав костюма других возрастных групп. В отличие от девичьего головного убора платки не затягивались в тугие высокие узлы, а располагались низко на затылке, и узел делали одинарный и свободный. Эта черта при сохранении основы девичьего убора демонстрирует переходность к следующей возрастной группе женщин, когда

в невесте ритуально концентрировалось прошлое, настоящее и будущее⁶⁸.

Свадебный головной убор усложнялся прежде всего за счет увеличения количества головных украшений, большая часть которых предназначалась для свадебных церемоний и ношения в течение всего периода переходного состояния молодухи, т. е. до рождения первого ребенка.

Центральное место в свадебных украшениях занимала *тилло кош* — налобная диадема, которую носили с височными подвесками *каджак*. Украшение представляло собой изогнутую золоченую пластину с фигурным навершием. Нижняя часть в форме распахнутых крыльев птицы символизировала защиту от сглаза⁶⁹, которая была необходима новобрачной, находящейся в переходном состоянии. К краям пластины прикрепляли султанчики из перьев фазана или селезня, которые считались символами брака⁷⁰. Фигурное навершие пластины, по мнению Д. А. Фахретдиновой, является стилизованным изображением богини-матери⁷¹. Головные уборы с подобным изображением были распространены в Бактрии, а затем в древнем Хорезме, где богиня-мать стояла во главе всего пантеона богов⁷². Отголоски веры в это божество сохранились до наших дней. К богине-матери как к защитнице детей и женщин обращаются во время проведения родильных обрядов, магических действий, связанных с приданием плодородности земле и скоту. Парные височные подвески *каджак* в форме птичьей фигурки и дополненные султанчиками из перьев создавали смысловое единство с *тилло кош*. Над бровями и под *тилло кош* в Самаркандской области новобрачные надевали еще одно налобное украшение *тиля баграк*, состоявшее из квадратных пластин с шарнирными соединениями и длинными листовидными подвесками, спускавшимися до глаз.

В Самаркандской области бытовал и другой комплекс головных свадебных украшений, состоявший из трех (одного налобного и двух височных) медальонов *мохи тилло* и *зульфи тилло*⁷³ — длинного шнура с пронизками из куполов, трубочек, бусин и имевшего длинные кисти и узлы. Оно оборачивалось вокруг головы. Основным элементом *мохи тилло* была фигурная пластина в виде полумесяца, которая символизировала чистоту молодой женщины и служила бла-

гопожеланием плодovitости, так как именно луна символизировала богиню плодородия. В сочетании с «узлами счастья» и кисточками, считавшимися символами стягивания витальной энергии человека, подобный свадебный наголовный комплекс был и мощным оберегом, и выражал идею присутствия девичьего статуса в костюме молодой женщины, еще не ставшей матерью.

Обязательным украшением, которое надевала новобрачная, являлось шейно-нагрудное ожерелье *зеби гардан*, представлявшее собой ряд четырехугольных или шестиугольных медальонов, соединенных цепочками. В центральной части украшения располагалась фигурная пластина в форме зерна граната — одного из символов плодородия и брака. Наряду с *зеби гардан*, располагавшимся на груди, в свадебном комплекте украшений присутствовали ожерелья, закрывавшие шею, что было нехарактерно для костюма ни девушки, ни невесты. Символика орнамента этих ожерелий (*тавк* и *синсиля*), составленных из фигурных пластин с растительными изображениями, а также имевшими подвески в виде листочков или монет, была описана нами выше. Данные украшения сохранялись и в праздничном костюме женщин фертильного возраста.

В костюме новобрачной обязательно присутствовали *тумары* — амулеты-обереги, подвешивавшиеся на шею. Серьги, кольца и браслеты новобрачной близки по форме и орнаментике девичьим, но становятся более массивными и многочисленными. К девичьим накосным украшениям прибавляются трубочки — футляры для локонов, которые выстригали по два на висках. Вероятно, знаковый смысл выстригания локонов состоял в символическом «подрезании» предыдущего состояния женщины⁷⁴.

Костюм женщин фертильного возраста

Переходное состояние женщины продолжалось еще значительное время после окончания брачных церемоний, до рождения первого ребенка. По прошествии сорокодневья молодая мать отправлялась в дом своих родителей, где ее новорожденный получал свою первую одежду и где происходил обряд *саллабандон* — «повязывание чалмы», который окончательно знаменовал переход молодухи в возрастную группу фертильных женщин.

Во время праздника женщина получала в подарок новый комплект одежды, основой которого была уже описанная нами платье-рубаша с вертикальным разрезом ворота. За костюмом женщин данной возрастной группы окончательно закрепляется такой признак, как многослойность. Комплект нательной уличной одежды состоял минимум из двух платьев. Нижнее платье, изготавливавшееся обычно из белых в мелкий рисунок кисейных тканей, играло также роль домашней одежды. При выходе на улицу, посещении дома гостями на нижнее платье надевали два и более верхних платья, которые изготавливались из дорогих, престижных материалов, рукава на них делались короче и шире, чем на нижних. Состоятельные таджички изготавливали платья из тканей кокандской, бухарской и ташкентской работы, а также российского производства: ситца, сатина, шелка, атласа. Независимо от благосостояния молодые женщины надевали платья с преобладанием ярко-красного цвета.

Менялся внешний вид платья. Объем стана за счет увеличения клиньев достигал максимальной ширины в противоположность девичьей, сравнительно неширокой рубаше, это, вероятно, выражало идею «освобожденной» детородности. Длина рукава нижней рубашки примерно на ладонь опускалась ниже кисти руки⁷⁵. Длина платья равнинных таджичек достигала щиколоток в отличие от горных районов, где платья едва опускались за колено. Согласно сообщению супругов Наливкиных, в Ферганской долине не подшивали подол рубашки женщин фертильного возраста, так как по местным представлениям это могло вызвать бесплодие⁷⁶.

Обязательным элементом нательной одежды молодой замужней женщины была цветная ластовица, которая также считалось средством обеспечения плодовитости⁷⁷. Ширина рукава в различных районах расселения равнинных таджиков была различной, например в Ферганской долине они были самыми широкими — в четыре ладони, в Бухаре — в две ладони, в Самарканде рукава делались неширокие, суживающиеся к ладони⁷⁸.

В конце XIX — начале XX в. ворот платья обшивали по краю разреза материей другого цвета или узкой черной тесьмой, сплетенной из шерсти⁷⁹. Наиболее распространенный прием в декорировании женских рубаш — обшивание разреза ворота снаружи и / или изну-

три полоской контрастной по отношению к материалу платья ткани. Молодые женщины носили рубахи с красной обшивкой. Широко бытовала также отделка ворота узорной тесьмой *джияк*, изготовлявшейся из шелковых или шерстяных ниток и орнаментированной растительно-геометрическим узором. В костюме городских жительниц Средней Азии встречаются золотошвейные тесьмы. На парадных платьях длина *джияка* доходила до подола платья. У оседлых народов региона этот элемент декора использовался и для оформления концов рукавов. Разрез ворота рубахи в традиционном платье равнинных таджиков доходил до талии, что являлось символом материнства и кормящей женщины. На уровне груди пришивали завязки с кисточками.

Женской повседневной верхней плечевой одеждой был халат на тонкой подкладке, изготовлявшийся из шелковых и полупелюшковых тканей. Он имел аналогичный мужскому халату крой. Характерной женской одеждой его делали некоторые детали, такие как отсутствие шалевидного ворота, а также часто встречавшейся в мужских халатах вертикальной стежки. *Джияк*, которым оторачивались ворот, полы, подол и рукава, чаще был узким и одноцветным⁸⁰. В сельских районах таджички использовали халат в качестве головной накидки.

Праздничной верхней одеждой женщин по-прежнему оставалась *калтача* из парчи, шелка или бархата на подкладке, тогда как обрядовая и старинная девичья форма данной одежды подкладки не имела (илл. 5).

Поясная женская одежда шилась из двух сортов ткани: нижняя часть штанин и мотня из дорогой материи, верхняя — из более дешевой. На севере Таджикистана в шароварах мотню вшивали острыми углами в штанины, и все части шаровар шили из различных тканей. Иногда и саму мотню делали из двух разных тканей: острые углы — одного цвета, середина мотни — другого⁸¹. Для молодых женщин шаровары шили яркие, часто красные, обшивая их по краю штанин цветным *джияком*.

Головной убор замужней женщины по ряду признаков значительно отличался от девичьего и свадебного. У равнинных таджиков он включал четыре-пять основных частей, одевавшихся одна на другую, и максимально выражал идею многослойного закрывания женщины.

Илл. 5. Женский камзол. Таджики. Конец XIX в. РЭМ, колл. № 59-3

Основой головного убора была шапочка *калтапушак*, сходная по покрою с наголовной частью девичьей шапочки, но имевшая важное отличие — накосник, пришитый сзади к нижнему краю околыша. Одна из важнейших функций женского головного убора — закрывание волос женщины, которые считались сакрально нечистыми и притягивали злые силы и сглаз. *Калтапушак* изготовляли из различных тканей, но везде он имел яркую цветочную вышивку, выполненную в различных техниках. Так, в Бухаре шапочки расшивали золотными нитями по бархату, в Ферганской долине широко распространены были головные уборы с «шахриябской» вышивкой (сплошной зашив шелковыми нитками) (илл. 6).

Помимо волос женщины также тщательно закрывали грудь, шею, часто подбородок, для чего служили специальные повязки *лячек*. Эта деталь головного убора не была зафиксирована только в костюме таджичек Самарканда. *Лячек* представлял собой небольшой, обычно

Илл. 6. *Культ-пушак*, шапочка с назатыльником. Таджики. Конец XIX в. РЭМ, колл. № 31-104

белый платок, сложенный по диагонали, угол платка закрывал грудь, а концы, плотно облекая лицо, завязывались на темени⁸².

Сверху голову покрывали большим платком, который обычно не завязывался, а свободно ниспадал на грудь, плечи и спину. Концы платка могли быть перевиты, переброшены через плечи, подколоты, подоткнуты, но не завязаны тугими узлами, как девичьи платки⁸³. Если женщины и завязывали платок, то узел, как правило, был неплотный и располагался на шее. Развязывание узлов, открывание

замков и дверей, согласно местным представлениям, облегчало разрешение от бремени, открывало возможность к плодовитости. В этом можно видеть образ освобождения сексуальной энергии женщины для воспроизводства потомства⁸⁴.

На платок повязывали налобную повязку *пешонабанд*, *дурача*, которая представляет собой сложенный по косой квадратный платок, который затем сворачивали таким образом, что он образовывал широкую повязку. В переднюю часть *пешонабанда* подкладывали кору или плотную бумагу, иногда передняя часть вышивалась. Характерной особенностью подобной повязки, бытовавшей в Бухаре, была золотная вышивка⁸⁵.

Иногда сверху набрасывали еще один большой платок, ниспадавший до земли⁸⁶. В головном уборе преобладали яркие, насыщенные цвета, в середине XIX в. концы платков украшали вышивкой, к концу века вышивка исчезла. Количество головных украшений по сравнению со свадебным убором значительно сокращалось и последовательно уменьшалось с возрастом.

Наряду с вышеперечисленными деталями головного убора в Самарканде, Нурате⁸⁷, Бухаре и Ферганской области бытовала чалма из белой кисеи⁸⁸, являвшаяся обрядовым убором.

При выходе на улицу таджички-горожанки набрасывали на голову паранджу, а лицо закрывали плотной волосяной черной сеткой *чачван*. Этот предмет одежды, способы его орнаментации и бытования были подробно рассмотрены в монографии О. А. Сухаревой⁸⁹. При исследовании коллекции РЭМ удалось обнаружить особенность, не отраженную в работах исследователей. В женских халатах-накидках, бытовавших в Самаркандской области, так же как и в нательной одежде, с помощью двух полосок *джияка* выделялась «подмышечная» область под ложными рукавами⁹⁰. Варьировалась и манера ношения «паранджи»: ташкентские жительницы набрасывали ее верхний край высоко на темя, в Намангане надвигали низко на лоб⁹¹. Сельские жительницы редко использовали данный элемент одежды, вместо него при выходе на улицу накидывали халат одного из своих детей. Паранджа, обычно серого цвета, как элемент, нивелирующий столь важные для традиционного общества возрастные характеристики женщин, не была частью старинного традиционного женского

костюма. Только в начале XX в. стали появляться яркие бархатные и шелковые халаты-накидки, отражавшие возрастные и социальные характеристики его владелицы.

Комплекс украшений молодых замужних женщин значительно отличался от комплексов вышеописанных возрастных групп. Прежде всего следует отметить, что практически полностью исчезают головные и лобные диадемы и подвески. Наряду с кольцевыми серьгами в городах женщины надевают более крупные крючковые *кафаси*, основной элемент которых — куполок *куба* с длинными звенящими подвесками, создававшими «сакральный шум», отпугивавший злых духов. В накосных украшениях исчезают узлы, которые могли стать «препятствием» фертильной энергии женщин, им на смену приходят *куба*.

В праздничном и обрядовом костюме по-прежнему женщины данной возрастной группы носили вышеописанные свадебные шейно-нагрудные украшения, кольца и браслеты. К амулетам-оберегам прибавляются крупные подвески-куполки, вешавшиеся на нижнюю часть разреза ворота. К куполкам на цепочках прикреплялись предметы личной гигиены — щипчики, ухвертки, палочки для сурьмы и пр.

Вплоть до рождения ребенка и истечения срока *чилля* молодуха продолжала носить девичью прическу. Во время проведения обряда *саллабандон* мать молодой женщины или ее старшие родственницы переплетали девичьи косы — количество кос сокращалось до четырех, их плели низко на затылке и у шеи, пряди волос перебрасывали вниз.

Молодые женщины использовали косметику. Брови и ресницы окрашивали сурьмой, для придания коже лица бледности, а щекам — румянца использовали белила и румяна. В Фергане и Бухаре модницы наклеивали мушки⁹².

Костюм пожилых женщин

После рождения пятого-шестого ребенка, т. е. по достижении примерно сорокалетнего возраста, женщина вступала в возрастную группу пожилых, характеризовавшуюся прежде всего выходом из фертильного возраста, а также сменой хозяйственной деятельно-

сти и изменением статуса женщины в семье и обществе. Внешне эти признаки нового положения проявлялись в костюме. Пожилые женщины продолжали носить практически те же элементы одежды, которые они носили в более молодом возрасте, но внешняя форма (при сохранении единого для всех возрастов кроя), цвет и орнаментальные особенности резко выделяли костюм женщин старшей возрастной группы.

Одной из наиболее заметных характеристик костюма пожилых женщин является отступление от многослойности в плечевой одежде и головном уборе. Пожилые таджички носили преимущественно только одно платье-рубашу *пеикурто*. Внешние характеристики этого вида одежды изменялись и соответствовали особенностям девичьих рубаш, что выражалось в сужении стана, укорачивании разреза ворота, сужении рукавов к концу примерно на десять сантиметров⁹³. Цветовая гамма платьев изменялась постепенно: женщины, имевшие четверых-пятерых детей, переходили к ношению платьев, где красный сочетался с темно-голубым и синим цветами⁹⁴, сорокалетние носили платья лилового, синего, голубого или зеленого цвета. Платья старух изготавливались из белой ткани в мелкую полоску или с мелким растительным орнаментом⁹⁵. Шелковые платья среди пожилых женщин встречались крайне редко, преимущественно они носили нательную одежду из хлопчатобумажных тканей местного производства, в начале XX в. — из русского ситца.

Изменялся и характер орнаментации ворота платья. Пожилые носили *джияк* из черных шерстяных ниток, который пришивался особым способом — свободные концы тесьмы сшивались сзади на спине, образуя кисточку. Иногда разрез ворота обшивали черной или синей тканью.

Наиболее часто встречающейся верхней плечевой одеждой пожилых женщин был *мунисак* или *калтача*, о которых мы упоминали выше в разделе девичьей одежды. Этот вид одежды, переходя в костюм женщин старшей возрастной группы, сохранял все основные элементы кроя. Основное отличие состояло в использовании для его изготовления полосатых тканей сине-серых тонов⁹⁶.

В поясной одежде таджичек данной возрастной группы проявлялись те же особенности, что и в плечевой одежде.

При изучении головных уборов пожилых женщин надо иметь в виду, что в этой возрастной группе выражено стремление к сохранению старинных форм костюма. Как следствие, традиционные формы, характерные для головных уборов девушек и молодых женщин, могут позднее бытовать как старушечьи⁹⁷.

Количество деталей головного убора варьировалось от двух до трех в зависимости от местности. В сельских районах Самаркандской области помимо двух обязательных платков старые женщины надевали шапочку с накосником⁹⁸, но изготовленную из белой хлопчатобумажной ткани без вышивки. В Ферганской долине, Бухарском оазисе головной убор состоял из двух деталей — платков. Большой платок покрывал голову и перекидывался на спину таким образом, что напоминал манеру ношения платков фертильных женщин. Второй, маленький платочек надевали поверх большого, завязывая тугими узлами на лбу или на затылке, что было характерным и для девичьего головного убора. Повязка была невысокой и мягкой и облегла голову⁹⁹. Состояние «старость» в головных уборах маркировалось белым цветом, в дополнительных элементах доминировали темные оттенки. Головной убор становится в целом более «простым», низким и мягким.

Обувь изготовлялась преимущественно из кожи темных цветов. Старухи предпочитали носить туфли на максимально низком каблучке с сапожками *махси*.

Достигая пожилого возраста, женщина не нуждалась в большом количестве украшений, которые ранее защищали ее фертильность. Характерно, что старушечий комплекс украшений практически полностью повторял девичий комплекс.

Прическа пожилых женщин состояла из двух кос, которые связывали между собой за спиной либо перекидывали вперед, на манер девичьей прически. Кроме того, концы кос «укорачивали», подворачивая их или завязывая концы узлами, что являлось знаком прекращения периода фертильности¹⁰⁰. В этом возрасте женщины не пользовались какими-либо косметическими средствами.

Траурная одежда

Траурный костюм не включал каких-либо особенных видов одежды, отличавшихся по покрою от вышеописанных. В целом женщины каждой возрастной группы в случае смерти родственника продолжали носить ту одежду, которая были характерны для их возраста. Одежда отличалась от повседневной цветом, который в свою очередь зависел от степени близости к покойному. Исключение составляли молодухи, которые не допускались на траурные церемонии.

Для траурного платья использовали ткань расцветки *вазнин* («тяжелый», «солидный», «сдержанный»), в которой полностью отсутствовал красный цвет и преобладали синий и зеленый. Ластовицы никогда не делались цветными. Если умирал кто-либо из самых близких родных, в знак глубокого траура надевали платье из белой гладкой хлопчатобумажной материи¹⁰¹.

Пешево из ткани синего цвета¹⁰² считалось траурной верхней плечевой одеждой. Близкие родственницы умершего отличались наиболее яркими и нарядными *пешево*¹⁰³, но носили их только первые несколько дней траура.

В отличие от обычных шаровар траурные всегда целиком шили из одной ткани, опасаясь, что в противном случае можно вызвать новые смерти. Траурные шаровары шили темно-синие, иногда с черным или белым узором. Как упоминалось выше, вставка из контрастной ткани, согласно традиционным представлениям таджиков, обеспечивала плодовитость женщины и одновременно являлась оберегом. В траурной одежде, вероятно, цветная ластовица воспринималась как средство вызвать «плодовитость» смерти.

Характерное отличие траурного костюма равнинных таджиков — наличие пояса, который представлял собой сложенный несколько раз большой платок, свободно завязанный на талии поверх *пешево*. Его надевали во время оплакивания покойного и при посещении могилы на второй, третий и сороковой день. В случае траура по мужу женщина снимала пояс после годовых поминок¹⁰⁴.

Траурный головной убор также соответствовал возрастной группе его владелицы и сохранял при этом свои характерные цвета. Обязательной частью траурного головного убора был *лячак*¹⁰⁵, закрыва-

вший шею и грудь. В случае отсутствия данного элемента головного убора, например у девочек, девушек и пожилых женщин, его заменяли платком, один из углов которого перебрасывали на противоположное плечо.

В траурных прическах женщин демонстрировалась полная или частичная инверсия по отношению к обычному состоянию. Самые ближайшие родственницы полностью расплетали косы и не расчесывали их. Более дальние расплетали их частично.

* * *

Таким образом, опираясь на проведенный анализ одежды равнинных таджиков, можно выделить следующие характерные возрастные особенности костюмных комплексов. В одежде и прическе девочек появляются признаки половой дифференциации, важными показателями которой являются отращивание и высокое заплетание кос, которые не закрываются, а также новый остроконечный головной убор, наиболее близкий к традиционным мужским шапкам *кулох*. Наряду с амулетами-оберегами в костюме появляются украшения, символизирующие плодородие.

Маркировка возрастных изменений в костюме девушек проявляется сменой головного убора и новым типом верхней плечевой одежды *калтача*. Характерным знаковым отличием становится «стягивание» силуэта, проявляющееся в крае одежды, тугих узлах головного убора и накосных украшениях. В украшениях доминирует символика плодородия.

Свадебный костюм фактически состоит из двух самостоятельных комплексов, в каждом из которых доминируют свои характерные особенности. Костюм невесты имеет характерные черты девичьей одежды и дополняется лишь большим количеством украшений. В его состав входит также большое головное покрывало — деталь женского костюма. В одежде молодухи — втором костюмном свадебном комплексе — наблюдается смешение черт девичьего и женского костюма. В нем присутствуют и характерные только для данного обрядового костюма головные свадебные украшения.

Костюмный комплекс возрастной группы фертильных женщин во многих своих чертах резко противоположен девичьему. «Стянутая сексуальность» плечевой одежды заменяется на широкие с дополнительными клиньями формы одежды. Узел исчезает из головных уборов и украшений. Достаточно простые по своему составу девичьи головные уборы уступают место многосоставным, закрывающим шею, грудь, волосы, плечи и спину женским. Многослойность присутствует и в одежде — традиционно женщина надевает от двух до пяти платьев. Качественно изменяется прическа, косы плетутся низко, появляются локоны.

Одежда пожилых женщин демонстрирует выход из возраста фертильности и частичное «возвращение в девичество». Сужение плечевой одежды и изменение ее цветовой гаммы с красно-розовой на сине-голубую сочетается с упрощением головного убора, на котором вновь появляются узлы. Шея и грудь женщины не закрываются украшениями, открытыми остаются и концы кос.

В заключение хотелось бы отметить, что женские костюмные комплексы равнинных таджиков, бытовавшие в конце XIX — начале XX в., в каждый возрастной период сохраняли некоторые детали предыдущих, выражая, таким образом, образ единой линии жизни женщины с особенными ролями на каждом ее этапе¹⁰⁶.

Примечания

¹ Гребенкин А. Д. Очерки Когистана. *Путешественник* (январь 1873), с. 60—88.

² Он же. Таджики. *Русский Туркестан* (М., 1882), с. 1—50.

³ Наливкин В., Наливкина М. *Очерк быта женщины туземного населения Ферганы* (Казань, 1886).

⁴ Ершов Н. Н., Широкова З. А. *Альбом одежды таджиков* (Душанбе, 1969), с. 34.

⁵ Сухарева О. А. *История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.)* (М., 1982).

⁶ Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. *Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Сборник МАЭ XXXIV* (Л., 1978), с. 123—144.

⁷ Писарчик А. К. *Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платья и головные уборы. Костюм народов Средней Азии* (М., 1979), с. 116.

⁸ Чвырь Л. А. Отражение возрастных градаций в таджикских ювелирных украшениях. *Советская этнография IV* (1970), с. 95.

⁹ Широкова. Детская одежда таджиков и связанные с ней обряды. *Этнографическое обозрение IV* (2002), с. 83.

¹⁰ Люшкевич. Одежда таджикского населения..., с. 140.

¹¹ Там же.

¹² Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 174.

¹³ Там же.

¹⁴ Люшкевич. Одежда таджикского населения..., с. 140.

¹⁵ Знаковая символика воды и дерева неоднократно была рассмотрена в ряде исследований, касающихся различных аспектов материальной и духовной культуры народов региона: Фахретдинова Д. А. *Ювелирное искусство Узбекистана* (Ташкент, 1988), с. 100; Рузиев М. А. *Эволюция таджикского орнамента (IX—XX вв.)*. Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения (М., 1988); Кисляков Н. А. *Семья и брак у таджиков* (М.; Л., 1959) и др.

¹⁶ Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 174.

¹⁷ Там же, с. 22; Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 22.

¹⁸ Бикджанова М. А. *Одежда узбеков Ташкента XIX — начала XX в. Костюм народов Средней Азии* (М., 1979), с. 134.

¹⁹ Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 25.

²⁰ РЭМ, колл. №№ 58-9, 7013-20, 8762-22132, 12205-1.

²¹ Там же, с. 85.

²² Люшкевич. Одежда таджикского населения..., с. 135.

²³ Там же, с. 84.

²⁴ Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана. *Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана* (М., 1966), с. 117.

²⁵ Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана. *Сборник МАЭ XXVI* (Л., 1970), с. 261.

²⁶ Попова Л. Ф., Старостина О. В. Знаковые средства маркировки возраста в женских головных уборах народов Средней Азии и Казахстана. *Материалы по этнографии*, IV (в печати).

²⁷ РЭМ, колл. № 242-13.

²⁸ Чвырь. Отражение возрастных градаций, с. 116.

²⁹ Борозна. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии и Казахстана. *Домусульманские верования и обряды в Средней Азии* (М., 1975), с. 289.

- ³⁰ Фахретдинова. *Указ. соч.*, с. 22.
- ³¹ Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 178.
- ³² Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 20.
- ³³ *Там же*, с. 21
- ³⁴ Писарчик. *Указ. соч.*, с. 116.
- ³⁵ РЭМ, колл. №№ 240-43, 240-47/1, 2.
- ³⁶ Чвырь. *Таджикские ювелирные украшения* (М., 1977), с. 98.
- ³⁷ РЭМ, колл. №№ 240-17, 240-53. 240-54, 8762-21210.
- ³⁸ Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 107.
- ³⁹ Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. *Советская этнография*, VI (1935), с. 135.
- ⁴⁰ Широкова. *Традиционная и современная одежда таджиков Горного Таджикистана* (Душанбе, 1976), с. 104.
- ⁴¹ Попова, Старостина. Знаковая маркировка возраста в женских прическах народов Средней Азии и Казахстана. *Материалы Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских чтений) 2004—2005* (СПб., 2006), с. 179.
- ⁴² Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 31.
- ⁴³ Люшкевич. *Одежда таджикского населения...*, с. 136.
- ⁴⁴ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 39.
- ⁴⁵ *Там же*, с. 42.
- ⁴⁶ РЭМ, колл. №№ 59-2, 3; 58-36.
- ⁴⁷ Бикджанова М. А. Одежда узбеков Ташкента XIX — начала XX в. *Костюм народов Средней Азии* (М., 1979), с. 134.
- ⁴⁸ Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 191.
- ⁴⁹ Сухарева. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. *Среднеазиатский этнографический сборник*, I (М., 1954), с. 306.
- ⁵⁰ Крестовский В. В. *В гостях у эмира Бухарского* (СПб., 1887), с. 275.
- ⁵¹ Сухарева. Древние черты, с. 306.
- ⁵² Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 192.
- ⁵³ Чвырь. *Таджикские ювелирные украшения*, с. 41.
- ⁵⁴ Даркевич В. П. *Художественный металл Востока: произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья* (М., 1984), с. 10.
- ⁵⁵ Чеснов Я. В. Поэтика девичества. *Женщины и свобода* (М., 1994), с. 226.
- ⁵⁶ Фахретдинова. *Указ. соч.*, с. 118, 122.
- ⁵⁷ Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 192.
- ⁵⁸ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 50.

- ⁵⁹ Андреев М. С. Свадебные лицевые занавески горных таджичек. *Сб. МАЭ*, XV (М.; Л., 1953), с. 310.
- ⁶⁰ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 21.
- ⁶¹ Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 192.
- ⁶² Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 21.
- ⁶³ Люшкевич. Одежда жителей центрального и юго-западного районов Ирана. *Традиционная культура народов Передней и Средней Азии* (Л., 1979), с. 124.
- ⁶⁴ *Там же*, с. 131.
- ⁶⁵ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 22.
- ⁶⁶ Люшкевич. Одежда таджикского населения..., с. 131.
- ⁶⁷ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 36.
- ⁶⁸ Попова, Старостина. Знаковые средства маркировки возраста...
- ⁶⁹ Фахретдинова. *Указ. соч.*, с. 100.
- ⁷⁰ Борозна. Некоторые материалы об амулетах-украшениях..., с. 183.
- ⁷¹ Фахретдинова. *Указ. соч.*, с. 100.
- ⁷² Даркевич. *Указ. соч.*, с. 111.
- ⁷³ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 113.
- ⁷⁴ Попова, Старостина. Знаковая маркировка возраста..., с. 179.
- ⁷⁵ Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 104.
- ⁷⁶ *Там же*, с. 95.
- ⁷⁷ Писарчик. *Указ. соч.*, с. 115.
- ⁷⁸ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 19.
- ⁷⁹ Писарчик. *Указ. соч.*, с. 115.
- ⁸⁰ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 31.
- ⁸¹ Широкова. Мужская и женская поясная одежда таджиков. *Этнография в Таджикистане* (Душанбе, 1989), с. 70.
- ⁸² Люшкевич. Одежда таджикского населения..., с. 138.
- ⁸³ Широкова. *Традиционная и современная одежда женщин...*, с. 98.
- ⁸⁴ Попова, Старостина. Знаковые средства маркировки возраста...
- ⁸⁵ Сухарева. Древние черты ..., с. 139.
- ⁸⁶ *Там же*, с. 304.
- ⁸⁷ Писарчик. *Указ. соч.*, с. 119.
- ⁸⁸ Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 221.
- ⁸⁹ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 139.
- ⁹⁰ РЭМ, колл. № 8520-182; 12210-14, 15, 16.
- ⁹¹ Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 96.
- ⁹² *Там же*, с. 104.
- ⁹³ *Там же*, с. 132.

- ⁹⁴ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 23
- ⁹⁵ Люшкевич. *Одежда таджикского населения...*, с. 131.
- ⁹⁶ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 31.
- ⁹⁷ Попова, Старостина. Знаковые средства маркировки возраста...
- ⁹⁸ Рассудова. *Указ. соч.*, с. 31.
- ⁹⁹ Борозна. *Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана (Душанбе, 1973)*, с. 218.
- ¹⁰⁰ Попова, Старостина. Знаковая маркировка возраста..., с. 180.
- ¹⁰¹ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 25.
- ¹⁰² Люшкевич. *Одежда таджикского населения...*, с. 136.
- ¹⁰³ Сухарева. *История среднеазиатского костюма*, с. 36.
- ¹⁰⁴ Наливкин, Наливкина. *Указ. соч.*, с. 231.
- ¹⁰⁵ Люшкевич. *Одежда таджикского населения...*, с. 143.
- ¹⁰⁶ Попова, Старостина. Знаковые средства маркировки возраста...